

Рисунки В. ВАКИДИНА

Все дело в обстановке и настроении: иногда простая, в сущности, вещь выглядит так, словно мир встал дыбом и квадрат гипотенузы равен постоянной Планка.

Стоите вы, например, у витрины на Арбате, рассеянно соображая, почему на манекене вместо кофточки оглуши-

тельных цветов мирный синий халатик... Вдруг манекен поворачивается, и живая, даже слишком живая, продавщица беззвучно, но вряд ли хорошо отзывается о вас. Не случилось ли вам тогда увидеть отражение своего лица в стекле витрины?

Приблизительно то же самое почувствовали тридцать два конструктора авиационного института в одно весеннее утро.

Вошел начальник Семен Борисович с видным молодым человеком в рябеньком костюме, громко поздоровался и добавил:

— Позвольте представить нового сотрудника. Зовите его Иван Иванович.

И бочком пробежал к себе. Инженеры выглянули из-за чертежных досок и... застыли. У двери, глядя прямо перед собой и приятно улыбаясь полуоткрытым ртом, стоял стандартный манекен, идеал мужской красоты с точки зрения специалистов парикмахерского дела.

— Здравствуйте, — сказал манекен довольно обычным голосом.

Все молчали. Тогда он зашагал прямо на толпу, достиг доски, где работала раньше хохотушка Зимина, ушедшая в декретный отпуск, развернулся, как солдат, и замер.

Вытащенный из-за своей стеклянной загородки багровый, потный начальник бормотал нечто бессвязное — не все ли равно, с кем работать, — и, наконец, рассердился:

— Чего разорались? Ну да, робот, что ж такого? Чертежный автомат. Какое вам дело до внешнего вида? Надо будет — ящик поставлю, надо — манекен. Вам же лучше: привыкнете, перестанете замечать. План срываем? Срываем. Какое задание нам поручено?

Задание было очень ответственное и срочное, план трещал. Лысый кругленький Семен Борисович мало походил на Юпитера, который, как известно, сердился, будучи неправым. Словом, через полчаса в отделе установился ровный рабочий гуд. Семен Борисович развесил перед глазами робота на чертежной доске полотно генерального эскиза и что-то нашептывал ему в твердое розовое ухо.

По роду службы инженеры отдела навидались всякой мудреной автоматике. Этажом ниже стояла большая электронная машина «Вихрь». Она решала сложнейшие задачи аэродинамики, а в перерывах лаборанты играли с нею в домино. Подумаешь, говорящая программная кукла! И ведь прав оказался Семен Борисович: поглядит кто ненароком на доску Зиминной — сидит человек, чертит, как все, только черных перчаток не снимает — так легко забыть, что он робот.

До перерыва наметанным взглядом конструктора Наум определил, что робот крутит головой в двух плоскостях — у него, по-видимому, два поста телепередачи, микрофоны и динамик. Работает он преимущественно правой рукой — с десяток степеней свободы! — ходит однообразно, без перемены скорости, в поясе не гнется. В его стройном теле,

видимо, могли поместиться только аккумуляторы, которых хватало часов на десять, и самый простой программный узел. Так что ни на что серьезное он, по общему мнению, не годился.

— Может, это для кино? — шептались в одном углу.

— Какое там кино! Просто кто-то играет, кибернетики начитался...

Но чертеж на доске Зиминной получался толковый. Чувствовалась не простая копировка, а нормальная работа среднего детализовщика. Даже не такая быстрая, как следует автомату.

Во время перерыва в курилке, где в сизых струях дыма, расплывающихся по кафелю, нередко отыскиваются неплохие инженерные решения, тайна чертежного робота общими усилиями была раскрыта. Кто-то вспомнил о недавней аварии при испытательном полете, когда разбился молодой, но уже всемирно известный авиаконструктор Антощенко. Вовка, добрая приятельница которого работала в другом отделе, рассказал, что для некоторых особых испытаний теперь делают человекообразных кукол с управлением по радио, чтобы посылать их в самые первые, самые рискованные полеты. И, ясное дело, когда один из гениальных институтских чудаков придумал расчетно-детализующую схему, ее воткнули в запасного или отбракованного механического пилота, чтобы не делать заново манипулятор и транспортер. Так утопили в словах страшноватые подробности утренной истории — не ноги, а транспортер, не руки, а манипулятор...

— Я смотрел его лист, — констатировал вдумчивый Наум. — Работает чисто. Кривые берет без лекала. Талант есть.

— Что ты говоришь, Наум, подумай: машина — и вдруг талант? — возмущался Сенечка.

Кто-то толкнул его в бок. В углу курилки, прислонясь к стене, торчал робот. Теперь, пожалуй, все приняли бы как должное, если бы он достал из кармана пачку «Беломора», вставил в рот папироску и задымил. Но он просто стоял, как-то обмякнув, и никакого выражения нельзя было подметить ни в лице, ни в позе. Слышал ли он, что говорилось, видел ли — неизвестно. Сенечка плюнул мимо урны и ушел.

Машина, конечно, есть машина, продукт разума и расчета; разные тонкие эмоции в отношении ее инженер разводит не любит. Но не рождает ли в нас машина еще что-то, кроме уважения к формулам? Не касается ли она и каких-то струн души?

Сенечка имел все основания не любить робота. Сам он работник был неважный и большую часть служебного времени посвящал сочинению нескладных стихов в честь нашей красавицы — старшего инженера Ани Тулуновой. Нередко, рассеянно озираясь вокруг в поисках звучной рифмы, он встречал взгляд холодных зрачков Ивана Ивановича; вспугнутая рифма ускользала, а руки Сенечки произвольно хватались за логарифмическую линейку и ка-

рандаш. Неизвестно ведь, что понимает этот чертов робот и в каких он отношениях с дирекцией!

Сенечка проследил, что робот с территории института никуда не уходит, после звонка направляется прямо в аккумуляторную автобазы и до утра сидит на подзарядке. В кабинет генерального конструктора он не ходил ни разу. Зато Семен Борисович по крайней мере дважды в день высовывался из-за загородки:

— Иван Иванович, можно вас на минуточку?

Робот, сложив готовальню, топал к начальнику. И конструкторы видели за стеклом две головы, склонившиеся над листом: розовую лысину начальника и ровный пробор Ивана Ивановича.

Постепенно и остальные сотрудники научились в трудную минуту прибегать к Ивану Ивановичу. Обычно неудачник на цыпочках обходил фигуру в рябеньком пиджаке, молча изображал на листке свой узел, расставлял по нему знаки вопроса и шептал:

— Иван Иванович...

Робот медленно поворачивал голову за спину, затем опускал ее и некоторое время разглядывал эскиз. Не двигая губами, задавал шепотом вопросы, и каждый ждал: вот-вот почешет карандашом в затылке, как всякий добрый конструктор. Потом выворачивал руку с карандашом за спину и уверенно проводил несколько линий. Пришедший восторженно кричал, добавлений не требовалось, и мышью проскальзывал к своей доске, а Иван Иванович приводил свои части в обычное рабочее положение.

Толкать его вбок или дергать за рукав было бесполезно — с этой стороны он был совершенно бесчувственный.

Со временем стало ясно, что логика Ивана Ивановича так мощна и гибка, что огромное количество крошечных полупроводников, реализующих ее, не могло бы поместиться под рябеньким пиджаком. После трех дискуссий в курилке Наум выдвинул великолепную идею «вынесенного мозга»: робот по двухсторонней радиосвязи мог использовать свободные ячейки «Вихря», второй по могуществу машины в Европе. Иван Иванович присутствовал при дискуссиях, но вмешивался, но и не возражал, а спросить его, как он устроен, было почему-то совестно.

Большинству сотрудников отдела за три месяца совместной работы просто по-человечески понравился Иван Иванович, тихое, вежливое создание, великолепный конструктор и молчаливый участник всех отдельных происшествий. Наступило время отпусков, и он брал на себя пропасть работы. Все как-то перестали замечать его неподвижное лицо, нескладную походку и странные минуты полного отупения, когда он вдруг замирал, уронив руки в черных перчатках. Уже никто не гоготал, предлагая выдвинуть Ивана Ивановича в редакцию стенгазеты или в са-модетельность.

Как-то в субботу все собирались на рыбалку, и Вовка не удержался, брякнул:

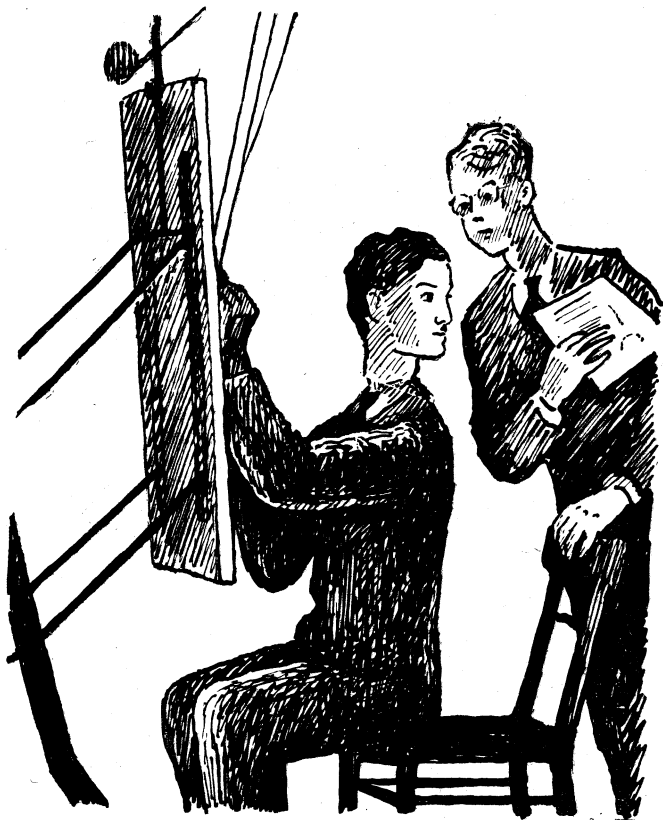
— Иван Иванович, с нами на рыбалку поедете?

Робот повернул голову.

— А что? Поеду.

И тут же ушел к начальнику, а потом на подзарядку. Все подивились, как Семен Борисович спускает ему такие вольности в рабочее время.

Автобус за рыболовами приходил ровно в три. Когда дружная, испытанная компания рыцарей удочки собралась во дворе, к ней пришагал Иван Иванович и дрогнувшим голосом попросил:

— Сам не дойду: тока не хватит. Поднесите меня, ребята...

Наум молча взял его на плечо, а в автобусе уложил в багажник.

По дороге Сенечка принялся пилить всех, доказывая, что кукла испортит все впечатление от рыбалки. Наум свирепо глядел на него, а потом мрачно сказал:

— Семен!

— Что?

— А ведь ты, подлец, ревнуешь.

Уши, лицо Сенечки запылали.

— Разве не ты говорил Вовке, что встретил Ивана Ивановича с Аней Тулуновой после работы в скверике месяц назад? Разве не ты допекал Аню потом глупыми расспросами?

Это уже было совершенно немыслимо, невозможно и невероятно. Аня полюбила робота, а Сенечка остался с носом... Робот полюбил Аню... Все перепуталось в головах рыболовов.

— Ну-ка повтори, что она тебе сказала, — добивался Наум.

— Кто? Кому?

— Аня. Тебе.

— Да, она сказала, — упавшим голосом подтвердил Семен. — Она сказала тогда: «Я не знаю, живой он или не живой, но он очень умный, хороший и очень несчастный».

— А теперь?

— Теперь она молчит. Только попросила больше ей стихов не приносить и ни о чем таком не заговаривать...

Вовка перебил этот интересный разговор:

— Бросьте вы трепатню. Аня действительно влюбилась — и держит его за стенку, Сенечка! — вышла замуж, но Иван Иванович тут ни при чем. Сегодня вывесили приказ: «Старшего инженера Тулунову А. К. впредь числить Антощенко А. К. Основание — справка ЗАГСа».

Сенечка подскочил на месте и стукнулся головой в потолок автобуса.

Антощенко? Разве он уже выздоровел? Почему же Аня молчала? Обсуждая столь волнующие вопросы, спортсмены не заметили, как доехали до водохранилища. Расстроенный Семен на том же автобусе вернулся домой: ему было не до рыбалки.

Начинался вечерний клев. Компания весело рассыпалась по прибрежным кустам, Наум выгрузил Ивана Ивановича, усадил его под куст, положил рядом удочку, поставил ведерко и банку с червями. Завалясь в ветки, робот долго не проявлял никакого интереса к окружающей красоте. Потом встрепенулся, сел прямо, ловко насадил червя, взмахнул удилицем — и поплавок шлепнулся в воду. Вовка потом говорил, что слышал даже лихой рыбацкий присвист.

Было совершенно темно, когда, брызгая огнями, у дороги заворчал автобус. Озябшие рыболовы рассаживались по местам, хвалились добычей, преувеличивали размеры сорвавшихся окуней, совершенно позабыв об Иване Ивановиче. Вдруг он сам, с треском ломая кусты, появился из темноты. Полное ведро рыбы — и какой рыбы! — поставил он на ступеньку кузова.

Ведро приняли, Ивана Ивановича подсадили в машину и устроили на самом почетном месте — у кабины водителя.

— Да, здорово было...

Это сказал Иван Иванович.

— Кстати, в понедельник будет новый приказ: теперь я начальник отдела. Семен Борисович остается моим заместителем.

Это тоже сказал Иван Иванович!

— Водитель, отвезите меня в институт, сдайте дежурному в аккумуляторную, — добавил он.

— А рыбу? — спросил Вовка.

Действительно, куда же деть рыбу? Казалось, Иван Иванович сам был поставлен в тупик таким вопросом. На что ему рыба?

— С рыбой так: завтра приходите в гости, приносите рыбу. Найдем ей применение.

— Куда приходите? В аккумуляторную? — растерянно спросил Наум.

— Ну нет, — ответил робот и даже как будто засмеялся. — Запомните адрес: Жуковского, десять, квартира шесть. К двум часам.

Без пяти два компания рыболовов позвонила у двери шестой квартиры. Пожилая бледная женщина открыла им, не удивляясь протянутому ведру с рыбой.

— Иван Иванович здесь?.. — Наум явно хотел сказать «живет», но поостерегся.

— Да, проходите, пожалуйста, он ждет вас. Раздевайтесь.

В большой комнате был накрыт отличный стол, не хватало только сквороды с рыбой. В глубоком кресле у стола сидел могучий парень с лицом, знакомым по фотографиям, — сам легендарный Антощенко, веселый и довольный.

— Простите, — сказал он, — пока не встаю, приветствую сидя. Будем еще раз знакомы: Иван Иванович Антощенко, ваш начальник отдела.

— А где же наш Иван Иванович? — жалостно спросил Вовка.

Наум хлопнул себя по лбу и устремился в угол комнаты.

— Ну, конечно! — заорал он. — Вот пульт управления, я видел такой же на испытательной станции. Надо же, а! Вот экран телевизоров, вот ручки манипуляторов... А мы-то, идиоты, сочиняли схемы!

За спиной Антощенко кто-то заливисто засмеялся. Это был Семен Борисович.

— Сейчас они будут меня бить! А я при чем? Я говорил Ивану Ивановичу: скажем им, в чем дело, а он твердит: не надо, жалеть будут, работать не дадут.

Тут распространился некий восхитительный аромат, и Аня, наша бывшая Тулунова, еще прекрасней, чем всегда, внесла огромную шипящую сковороду, не сводя влюбленных глаз с бедовой головы мужа.

— Месяца два еще повоюю робота по радио, а потом сам встану, врачи обещали, — смущенно сказал Иван Иванович. — Вот тогда порыбачим как следует, верно? Сутки-двое будем сидеть, авось аккумуляторы не откажут.

